

Новикова Лариса Васильевна
(из Сборника трудов по материалам
VI Всероссийской научно-методической конференции
«Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество», М., 2014)

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ: ТРУД ВО СПАСЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые причины падения уровня языкового развития современных школьников и студентов. Сделана попытка выявить взаимосвязь этих причин с социокультурными приоритетами российской общественной жизни последнего двадцатилетия. В центре внимания автора находится вопросы сохранения и укрепления литературной нормы, ее значимости для развития языка, подчеркнута актуальность ее полноценного освоения старшеклассниками.

Ключевые слова: литературная норма.

В одном из интервью, посвященных выходу в свет книги «Русская ментальность в языке и тексте», её автора, профессора В.В. Колесова, попросили нарисовать портрет современного носителя русского языка. «Языковой портрет русского человека, – ответил учёный, – я «рисовал» почти полвека, едва поспевая за сменой самого типа «русского человека»... Но наш современник равнодушен к языку: надо успеть высказаться в общении, включаясь в активную жизнь. <...> Вторая причина – гуманитарная необразованность населения. «Борзостей еллинских не текоша», логике и психологии не учёны, в словари заглядывают редко, а классическую русскую литературу – эталон русской речи – забросили на дальнюю полку» [2; 1].

Обучая русскому языку и культуре речи школьников и студентов, постоянно убеждаюсь в печальной точности этого наблюдения. Падение уровня языкового развития современного школьника стало очевидностью. Но в последнее время в этой тенденции обозначился, как мне кажется, новый тревожный нюанс. Если еще пять–семь лет назад молодой человек, не владеющий на должном уровне нормами устной и письменной речи, чувствовал свою неправоту, некую языковую ущербность на фоне более успешных сверстников, то сегодня он зачастую не испытывает от этого никакого психологического дискомфорта. Старшеклассники, не знающие смысла слов (таких, например, как «конфронтация», «прецедент», «периферийный» и пр.), не умеющие правильно преобразовать прямую речь в косвенную или построить простое предложение с деепричастным оборотом – в широком смысле не справляющиеся с задачей передать средствами литературного языка свою мысль так, чтобы быть правильно и точно понятыми, при этом не теряют уверенности в себе и даже порой не заботятся о том, как

они говорят. Требование овладеть русским языком на уровне коммуникативной и языковой компетенций (не говоря о лингвистической) многими из них воспринимается как избыточное, не имеющее очевидной практической значимости, кроме, может быть, необходимости сдать экзамен. В чём причины такого воинствующего невежества? Конечно, не следует забывать о юношеском нигилизме, о пресловутом «не читают», о проблемах непрерывно реформируемого современного образования и многом другом. Однако прежде всего хочется поразмышлять о глубинных причинах изменений отношения к языку, чтобы увидеть хотя бы некоторые контуры того айсберга, надводную часть которого мы наблюдаем в форме интенсивного засорения литературного языка просторечиями и жаргонизмами, снижения у носителей запаса активной лексики и пр.

Язык – явление социальное. Выполняя назначение важнейшего средства общения между людьми, обеспечивая функционирование памяти народа, язык закономерно «считывает» и транслирует состояние общественного сознания. Национальный язык в таком случае следует рассматривать как одну из исторических и культурных детерминант национального самосознания.

По сравнению с другими разновидностями национального языка (просторечием, территориальными и социальными диалектами) именно литературный язык как его высшая форма играет ведущую роль в выражении социокультурных интересов нации. Поэтому именно он в первую очередь ощущает на себе изменение ценностной парадигмы, которой руководствуется общество. Влияние такого изменения на жизнь языка можно наглядно показать на примере литературной нормы.

Как известно, норма – это единообразное, образцовое, общепризнанное употребление языка. Именно благодаря норме литературный язык является эталонным вариантом языка национального. Именно норма как система правил употребления языка, получившая социальное одобрение, с одной стороны, и строго обусловленная логикой развития самого языка – с другой, превращает литературный язык в важное средство единения общества. Устойчивость представлений социума о норме непосредственно отражает уровень его языкового и общественного сознания и влияет на его дальнейшее развитие.

Подчеркивая высокую значимость нормы, наряду с термином «литературный язык», часто используют слова «нормированный» и «кодифицированный». Это закономерно, поскольку неотъемлемым условием сохранения эталона является кодификация – закрепление нормы в словарях и справочниках. Норма литературного языка всегда кодифицирована. А это значит, что она существует не только в сознании носителей языка, но материализована как строгое требование в

лингвистической литературе. Следовательно, признавая норму, общество тем самым берет на себя ответственность за её соблюдение. Иными словами, оно декларирует, что эталонный вариант языка – литературный язык – для него более значим, чем индивидуальные языковые проявления. В современной же ситуации бытования русского литературного языка именно повышенное внимание к индивидуальным мотивациям употребления, некое молчаливое позволение говорить «по-своему» зачастую преобладает и не столько приводит к обогащению языка, сколько оборачивается прямой его порчей. Корни такого расшатывания нормы следует искать в недалеком прошлом. Например, демократизация российского общества конца XX – начала XXI века значительно расширила круг публичных ораторов. Но она же автоматически снизила планку требований к их образовательному и культурному уровню. Закономерно, что в эпоху наступления гласности, обретения постсоветской свободы слова важнее на первых порах оказалось то, что человек хочет сказать прежде молчавший, чем то, как, насколько грамотным языком он это выскажет. Как выскажет – вопрос более позднего времени, вопрос уже почти искусства, во всяком случае – искусства красноречия. Вспомним классическое «Поэтом можешь ты не быть/ Но гражданином быть обязан» Н.А. Некрасова. В период общественного оживления второй половины 1850-х гг. вопрос нередко ставился именно так: социальная значимость содержания весомее гармоничной формы его выражения. Однако язык, как живая развивающаяся система, не терпит подобных упрощений и перекосов. А если и соглашается с ними, то лишь на непродолжительное время. В том случае, когда понимание предельности языкового терпения отстает от жизни, возникает реальная угроза деструктивных изменений в национальном языке и прежде всего в его нормированном сегменте – языке литературном. Верным признаком такой ситуации является, например, сужение круга носителей языка, принадлежащих к элитарному и литературному типам речевой культуры, в пользу среднелитературного, фамильярно-разговорного и просторечно-жаргонного типов [1]. При этом сами носители языка, принадлежащие к трём последним типам, общей картины не осознают и ничего разрушительного в своей языковой некомпетентности не видят, но объективно способствуют нарастанию негативных явлений. Именно это и происходит сегодня в русскоязычном социуме. Думается, во многом именно эти процессы столь неблагоприятно влияют на динамику языкового развития современных школьников.

За последние 20 лет механическое применение понятия свободы слова к законам использования языка привело не столько к его раскрепощению и обогащению, сколько к ослаблению канона

употребления языка, лишило его той защиты, которую обеспечивает всякой системе здоровая консервативность. Очевидно, что свободное владение речью не сводится к пренебрежению канонам, напротив: только филигранное знание нормы позволяет человеку быть действительно свободным в выборе средств и способов выражения мысли, достигать наиболее адекватного понимания ее собеседником и, наконец, заниматься языкотворчеством. Конкретные примеры легко найти в практике обучения русскому языку и культуре речи старших школьников и студентов. Часто ученик, допустив в тексте речевые и грамматические ошибки, не просто не видит их, не понимает механизма их возникновения и исправления, но даже не хочет квалифицировать их как нарушение нормы. Наиболее типичными оказываются в таком случае следующие аргументы: первый – «это мое оригинальное употребление языка, преднамеренное художественное своеобразие», второй – «могу привести множество источников, где журналисты/ блогеры/ писатели/ друзья... делают то же самое, но им это не возбраняется». Болезнь порой сама подсказывает пути лечения. Чтобы помочь молодому человеку, заблудившемуся в незнании и в недоверии к знанию, обрести себя в слове, целесообразно показать ему, что на самом деле представляет собою художественно значимое употребление языка, и объяснить, почему ошибка, даже очень частотная, остаётся ошибкой и причиняет боль языку как живой системе. Иными словами, путь известен: скрупулёзно и системно изучать законы языка и правила его употребления, чтобы сформировать прочный фундамент, на котором потом, возможно, вырастет дворец языкового мастерства и творчества. Сегодня движение по этому пути стало как никогда актуально. Значимость его далеко выходит за пределы методических приоритетов, затрагивая вопросы сохранения ценности национального языка, повышения его роли в единении российского общества.

---

1. Сиротина О.Б. Устная речь и типы речевых культур. // Русистика сегодня. № 4, 1995.

2. http://filolingvia.com/publ/filosofija_russkogo_slova/70-1-0-5856